

Мария Сухова

Кощей Бессмертный
и
Елена Ненасытная

18+

Мария Сухова

**Кощей Бессмертный
и Елена Ненасытная**

«Автор»

2026

Сухова М.

Кощей Бессмертный и Елена Ненасытная / М. Сухова —
«Автор», 2026

Хотел Кощей Бессмертный себе женщину с характером — и получил. Да таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать, разве что в этой самой истории, да и то с осторожностью. Елена Прекрасная — та ещё штучка: хороша до невозможности, а норовом так и вовсе богатырским не уступит. С мужем невезуче, на стороне не складывается, а когда её похищают в мрачный замок, оказывается, что бессмертный владыка сам ещё не знает, на что подписался. Кто кого укротит — вопрос, от которого не оторваться. Ироничная, озорная и очень взрослая сказка о том, как мечты бывают чересчур сбыточными.

© Сухова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8

Мария Сухова

Кощей Бессмертный и Елена Ненасытная

Глава 1

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, где петухи поют на трёх языках, жила-была Елена Прекрасная. И была она хороша до невозможности: ни в сказке сказать, ни пером описать, разве что кистью мастера, да и то краски бы заалели от стыда. Коса её, толщиной в руку добрую, была светлее червонного золота, очи — синие-пресиние, словно два бездонных омута с поволокой, а стать — что у берёзы, которую солнышко на заре поцеловало.

И было у той Елены всё ладно: терем расписной с жар-птицами на ставнях, сад с молодильными яблочками, что сами в рот просились, и платья такие, что хоть на пир к князю, хоть на бранное поле — враг засмотрится и меч выронит.

Но была в её жизни горькая завыка, точнее, богатырская забота. Супруг её, Добрыня Никитич, был детина видный: в плечах кося сажень, кулачище — что гирия пятипудовая, голос — что труба иерихонская. Однако как заходила речь о постельной брачной потехе, пропадал Добрыня, словно в воду канул. Вместо былинного богатыря делался он Добрыней Недомогающим. Храбрость его, точно брага из кадушки, утекала по жилам вниз, в сафьяновые сапоги, он кряхтел, как старый пень, отворачивался к стенке и делал вид, что летописи изучает. А иной раз притворялся хорьком, которого придавило бревном — ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Маялась Елена. Уж она и настойку из зверобоя ему подливала, и заговоры шептала, и баню парила с мёдом и хмелем — всё не впрок. Душа её женская требовала не только звёзд с неба и соловьиных трелей, но и простых, окаянно плотских радостей: чтобы муж её за талию брал и в омут страсти окунал с головой. И поняла Елена, что коли сама не возьмёт вожжи в руки, так и завянет её молодость, как яблоня без полива.

И решила она для начала поискать утешения на стороне, пока Добрыня в походы ходит аль на заставе стоит. Высмотрела она как-то красна молодца — симпатичного кузнеца, что коней подковывал. Плечистый, кудрявый, взгляд огневой. Только отмыть его надо с хозяйственным мылом трижды, потому как весь в саже и смоле.

Позвала его Елена в баню истопленную, мол, помоги, родимый, дровишек подбросить да воды нагреть. А сама, как тот в жаркую парную зашёл, следом за ним — только лёгкая рубаха на плечах, да и та на одной завязке.

— Ой, что ж ты, милый, без дела стоишь? — промолвила она, входя, и начала спускать рубаху с одного плеча, с другого, да так плавно, будто лебедь крыло расправляет.

Молодец аж попятился, глаза по полтиннику, и наступил голой пяткой прямо на ведро с кипятком, что Елена для запарки веника принесла. Как вскрикнет он благим матом, как подскочит, ровно ошпаренный (в буквальном смысле), и — только его и видели! Вылетел из бани в чём мать родила, даже шапку не захватил, и прямым ходом — бултых в холодное озеро, что за околицей, чтобы жар сбить. Плывёт, бедный, и крякает, а из воды пар валит.

Елена вышла на крыльцо, подбоченилась, вздохнула тяжко:

— Да чтож ты будешь делать! — проворчала она с досадой. — Единственный симпатичный мужик во всей округе, и тот поджариться умудрился, не успев даже за руку взяться.

И тут взгляд её упал на задворки, где какой-то парнишка дрова колол. Был он неказист с виду — плечи широкие, но лицо простоватое, однако рубил так, что щепки летели за версту, и мышцы на спине перекатывались под мокрой рубахой. Елена прищурилась, улыбнулась краешком губ и поманила его пальчиком, будто курочку звала:

— Эй, добрый молодец, подь-ка сюда! Не поможешь ли барыне баньку поправить? Ведро там опрокинулось...

Парень аж топор выронил — так и застыл с раскрытым ртом. Подошёл, ноги ватные. А Елена уже за руку его берёт, в баню ведёт, и приговаривает ласково:

— Ты не бойся, милоч, я кипяток убрала, теперь водичка тёплая, как парное молочко. Иди, мой хороший, раздевайся, да не спеши, я помогу.

И начала она с него мокрую рубаху снимать, да так умело, что он и опомниться не успел, как остался при одном исподнем. А Елена тем временем скинула свою одежду, встала перед ним, словно царица-лебедь, и прошептала:

— Ну, что стоишь? Аль не по нраву я тебе?

Парень тут будто очухался. Подхватил он Елену на руки, завалил прямо на лавку, что вдоль стены стояла, и пошла у них потеха такая, что стены бани заходили ходуном, а из трубы повалил пар гуще прежнего. Елене в тот миг так хорошо и жарко сделалось, что она даже забыла, как звать того кузнеца-неудачника. Может, от того, что в бане, а может, парень удалой попался — не перечил, не робел, и угождал ей так, что она стонала на всю округу, и воробыи с крыш попадали от удивления.

И стала она его теперь постоянно вызывать. Сначала раз в день — для пробы. Потом два — для закрепления. А там, глядишь, и по нескольку раз на дню. Если Добрыня в поход уходил, Елена могла парня на целый день в свою спальню затащить, и уж так она его ухайдохала, так изводила ласками, что он и поесть забывал, и про топор свой думать перестал.

Не выдержал парень такого напора. Через месяц, чуть свет, пока Елена ещё в подушках нежилась, собрал он свои нехитрые пожитки (а вернее, что нашёл) и тихо, на цыпочках, сбежал в соседнюю деревню. Даже валенки свои новые на крыльце оставил — второпях не обул. Так и ушёл босиком по росе, только пятки сверкали.

Елена, проснувшись, нашла лишь его валенки да записку корявую: «Прости, Елена, не по силам мне твоя любовь, ухожу в монастырь, в скит, в лес дремучий — куда глаза глядят, только бы подальше от твоей ласки».

Вышла она на широкий двор, встала у крылечка, да не просто встала, а этак переминаясь с ноги на ногу, бёдрами покачивая, точь-в-точь маятник на кремлёвских курантах. На ней был сарафан из заморского шёлка...

Высматривает она в народе молодцов. Вон тот кузнец, что кипятком ошпаренный, вроде отошел, улыбается стоит, может, ещё раз попробовать к нему подкатить? — А вон там писарь стоит — тонок, как былинка, и взгляд масляный, но от него скукой веет за версту.

И тут в ней разыгралась досада, что парень сбежал, а Добрыня опять в походе. Глянула она на дрова, что недоколотые валялись, на слуг, что без дела шатались, и глаза её сверкнули огнём.

— А ну, работнички! — крикнула она звонким голосом, подбоченившись. — Чего рты разинули? Дрова стоят, печь не топлена, а вы лбы чешете! Аль я сама всё делать должна?

Схватила она топор, что парень бросил, замахнулась — и как рубанёт по полену! Щепки во все стороны, а полено пополам — ровно по волоску. Мужики обмерли, рты пооткрывали. А Елена не унимается — второе берёт, третье, да с приговорками:

— Эх, и где вы, мужики, годные? Один в бане ошпарился, второй в деревню сбежал, третий вон — глядит, а спросить — слова вымолвить не может! Тьфу!

Бросила топор, стряхнула с ладоней щепки и, вдруг заметив за забором молодого пастушка, что на свирели играл, прищурилась хитро, улыбнулась краешком губ и пальчиком его поманила:

— Эй, кудрявый! А ну-ка иди сюда, покажи, как ты на свирели дуешь, да не свирелью, а что погорячее...

И тут же, как подошёл парень, она взяла его за подбородок, заглянула в глаза и, притворно вздохнув, сказала:

— Да нет, ты ещё зелёный. Иди-ка, паси овец, да не забудь нагулять им бока к осени, а то я с тебя шкуру спущу, если тощие будут!

Пастушок пулей улетел, а Елена, рассмеявшись, подбоченилась и оглядела двор. Вся челядь, как увидела её в таком настроении, мигом разбежалась по углам: кто за веник взялся, кто за ушат — лишь бы барыня не придралась.

Глава 2

Над теремом в это время пролетал Змей Горыныч. Но чтобы понять, отчего он там очутился, надобно заглянуть в мрачный замок Кощея Бессмертного, что стоял за тридевять земель, на горе из человеческих костей.

Жил там Кощей, поживал, не тужил. Имел он целый гарем красавиц — на каждый день недели по наложнице, а на праздники — по две, а то и по три, чтобы скучно не было. Первое время он кайфовал: царевны да королевны плясали перед ним, вино лили, сказки сказывали, а по ночам угождали ему, как он любил. Но шло время, и тоска зелёная стала грызть Кощея пуще червя. Наложницы его приелись — хуже репы пареной.

Ибо все они, как на подбор, были одинаковы: пугливые, как зайцы, на всё соглашаются, головы лишний раз поднять боятся, а если он требовал от них смелости да изобретательности — они лишь хлопали ресницами да делали вид, что вот-вот упадут в обморок. И красавицами их можно было назвать лишь с большой натяжкой: у одной нос картошкой, у другой косоглазие, у третьей волосы мышиные, а четвёртая и вовсе боялась свечей и всякую ночь проводила под кроватью.

— Опостытели мне эти квашни! — рычал Кощей, гремя костями по каменному полу. — Хочу свежей, как говорится, крови! Чтобы глаза горели, чтобы в постели не стеснялась, чтобы сама меня за бороду тащила да требовала! А характер — чтобы покруче моего! Где ж мне такую отыскать?

И наказал он Горынычу:

— Лети, трёхголовый, по всему свету, ищи мне новую красавицу. Да не одну — может, десяток привези, чтобы я выбрал. Этих, что сейчас, — всех в подвал, на перевоспитание!

Вздыхнул Змей Горыныч тяжело — знал он, что за капризами Кощея стоят долгие хлопоты: то одна царевна плакать начнёт, то другая в обморок упадёт, а третья, чего доброго, сбежит. Но делать нечего — приказ есть приказ. Расправил он крылья, выдохнул пламя для разгона и полетел по белу свету, высматривая ту самую — непуганую, огневую, с изюминкой.